

**Воспоминания
Иван Павловича Шабурова**

Воспоминания Ивана Павловича Шабурова, уроженца д. Луговой, Артемовского района

Семья наша до 19 марта 1918 года состояла из 12 человек.

Главой семьи был наш дедушка Шабуров Игнатий Егорович, а бабушка Ефимия Степанова с 1853 года рождения.

Наш папа Шабуров Павел Игнатьевич был с 1879 года рождения, а наша мама Наталия Иванова была с 1882 года рождения.

Сестра Ирина Павловна была с 1901 года рождения, брат Алексей с 1903 года, другой брат Фрол с 1904 года, а я Иван с 1909 года рождения, затем сестра Александра с 1911 года, сестра Таисия с 1913 года, сестра Анна с 1914 года, брат Василий с 1818 года рождения.

Главой же семьи бесспорно был наш дедушка Шабуров Игнатий Егорович, высокого роста, коренастый крепыш, довольно энергичный, хозяйственный, волосы на голове русые, кудрявые, борода была окладистая, также русая с небольшой проседью.

Все подчинялись ему безоговорочно, никто никогда не перечил, совершенно не грамотный, знал букву «Ш». Этой буквой он и расписывался и говорил обычно, что поставит букву «вШу».

Особенно любил нас детей больших и маленьких, никогда и никого не наказывал.

Какбы мы не баловали, а если кто-то из нас делал не хорошее, дедушка обязательно с ним поговорит и скажет, что так больше делать нельзя. Все это мы понимали. Дедушка Игнатий никогда при детях не ругался, не курил. Он немного выпивал, но лишь с гостями и в праздники, любил с гостями петь песни, особенно любил куманчик. Был у нас в то время граммофон и он любил крутить пластинки.

Мне, кажется, он этим сильно гордился этим, так как граммофон у нас появился у первых деревне, хотя купил его наш папа.

Когда дедушка был свободный, мы все старались забраться к нему на плечи, это он очень любил и был очень доволен. Все дети очень сильно любили нашего дорогого дедушку Игнатия.

Я хорошо помню, как-то раз он купил балалайку, но играть он на ней не умел, но все же старался на ней бренчать и как мы были рады этому событию. Хорошо помню, если дедушка куда-либо поедет, мы гурьбой бежим открывать ему ворота, он нас садил, немного отвозил от ворот, высаживал и мы были очень довольны, провожали его, насколько могли. Когда же он возвращался домой и его замечали, то

бежали наперегонки встречать, он останавливал лошадь, посадит всех нас и не только своих детей, но и соседских и подвозил всех до дома.

А сколько у нас было радости, когда приезжал наш любимый «кокой», как мы его называли, а слово «кокой» означало крестный, и как же наш дедушка нас ребятишек всех любил, да и мы его любили.

Помню случай, в первых числах марта на дедушку наложили обязательство, чтобы он сдал государству хлеб(сколько нужно было сдать , я не знаю). Дедушка сдавать хлеб отказался, а папы дома не было, так как он всегда был на строительстве школы. Дедушка, видимо, папе ничего не сказал и на завтра приехали на четырех подводах активисты выгребать у нас хлеб. Но дедушка никого к хлебу не подпустил, взял в руки топор и сказал, что кто первый подойдет к сусеку, тот лишится головы. Мужики, зная его вспыльчивый характер, не решились выгребать хлеб и все уехали порожняком.

Вечером со стройки пришел папа, переговорил с дедушкой и на завтра отвез государству 100 пудов зерна.

Папу мы видели дома редко, зимой он обычно уезжал в город Богословск всегда на вывозку дров, а летом обычно с утра до позднего вечера был на строительстве школы.

Мама тоже не сколько раз уезжала вместе с папой. Жили они в лесу в бараках, спали на общих нарах человек по 30-35, а кухня была в том же бараке, не отгорожена отдельно. Для рабочих приварок был общий, а хлеб и сахар у каждого был свой. А вот страпухе приходилось для всех варить обед и для каждого печь хлеб отдельно. Это я пишу, зная по опыту, когда возил в Богословск дрова и жил в таких условиях. Вот когда папа и мама уезжали в Богословск, мы все оставались дома с бабушкой Евфимией и дедушкой Игнатием. Наша дорогая бабушка оставалась с такой оравой ребятишек разного возраста, да еще столько скотины: коровы, свиньи, телята, курицы и всех и нужно кормить, поить. Но дорогая наша бабушка со всем этим управлялась, хотя ей было нелегко..

Наша бабушка была сухонькая, среднего роста, на лице появились старческие морщинки, лицо у нее было красивое. В молодости, в свое время она была очень красивая, была трудолюбива, все выполняла, но правда ей помогала наша старшая сестра Ирина.

Бабушка без работы жить не могла, всегда была чем - то занята, особенно она много пряла, могла прядь и в то же время качать в зыбке ребенка, а зыбка в нашей семье была почти всегда, лишь с небольшими перерывами.

Я запомнил такой случай. Бабушка сидит, прядет, а в зыбке заплакал ребенок, но она не обращает ни какого внимание, прядет и прядет, возможно она даже и не слышала и не подходила к зыбке. В это время приходит с улицы дедушка Игнатий, слышит, что в зыбке плачет ребенок, он делает разнос бабушке за то, что не обращает

внимания на ребенка. Дедушка Игнатий, конечно, не выдержал, выдергивает прясницу и бросает ее в подполье, там она превращается в щепы.

Бабушка сильно все переживала, но ничего не могла сказать в свое оправдание. И все это происходило без скандала, она прекрасно знала дедушкин вспыльчивый характер, в таких случаях она всегда молчала и ждала, когда у него пройдет вспышка. После этого она могла с ним говорить в свое оправдание. Помню, такое было не один раз.

Дедушка после обеда всегда ложился отдыхать на голбец, а бабушка на край его ставила сушить горшки, лотки, кринки. Когда дедушка ложился на другой конец голбца, ляжет, ноги немножко согнет, чтобы не задевать горшки, а когда уснет, ноги вытянет, они упрются в горшки и сдвигаются.

Крайние начинают валиться на пол, бабушка в это время начинает охать и дедушку упрекать, что уронил и разбил горшки и лотки. Тогда он быстро поднимался и бросал все на пол и разбивал. Никто не смог подойти, чтобы снять оставшиеся горшки с голбца, спасти их. Бабушке горшков было жаль. Мама так же не смела подойти в это время к горшкам. Мама с бабушкой собирали все осколки и вынесли на свалку, а на завтра дедушка Игнатий запрягал лошадь и уезжал за 8 км в деревню Сохаревку за горшками. Там была гончарная, набирал всяких гончарных изделий и привозил домой. Давал команду бабушке и маме, чтобы они все выгружали. Покупал тогда раза в два или три больше, чем он разбивал и все это проходило без шума и без скандала. Дедушка как - то все это умел регулировать без всяких ссор, а папа в эти вещи никогда не ввязывался , а только лишь посмеется , да и наша дорогая бабушка Евфимия была труженица, это у нее было в крови делать людям добро и никогда не делать людям зла.

А каким уважением она пользовалась у населения и для всех она была, уважаемая Евфимия Степановна . Она в деревне еще была как лекарь, кто заболеет, идут к ней. Лечила она травами и как практик она знала , при какой болезни какой травой нужно лечить. Бабушка прекрасно знала травы и в какое время нужно собирать. К тому же она лечила не только своих деревенских, к ней обращались из соседних деревень. Обращались к ней как к уважаемой Евфимии Степановне, никогда она никому в лечении не отказывала, ни с кого ничего не брала. Лечила только за спасибо, но старалась всем помочь, чем могла.

Еще хорошо помню, сколько у бабушки было заготовлено разных лекарственных трав, были завешаны лекарственными травами все чердаки и сараи, еще она любила ходить за грибами в лес, забирала всех ребятишек. И вот, видимо, она привила к нам любовь к лесу и ходить в лес за грибами.

Бабушка умела хорошо готовить грибы. Солила грибы обычно в небольших березовых кадках и мариновала в стеклянные банки с широким горлышком, особенно хорошо запомнил, как она рыжики сортировала по размерам: очень мелкие, затем крупнее и

еще крупнее. Все банки ставила в яму на полки и как спускаешься, так и залюбушься. Капусту она солила в большие кадки и всегда ее заваривала. Кочаны резала на две половины, а очень крупные на четыре части и еще очень хорошо мариновала капусту. Мне кажется, что рецепты для маринования давал папа, их он выписывал из книг, да и деревне кроме нашей бабушки капусту никто не мариновал.

Хорошо помню бабушку в последнее время. Спать уходила в баню, где обычно на полог стелила на половицек поленья дров, закрывала их, одевалась каким - нибудь легким одеялом. Она любила спать на жесткой подстилке. Перин и мягких подушек не признавала, хотя все было в доме с достатком.

Все у нас было спокойно, но настал день трагический. Это было 19 марта 1918 года.

Было собрание крестьян в пожарной и дедушку Игнатия снова наложили хлебную разверстку. Сколько он должен был сдать хлеба, я не знаю. Дедушка пришел домой сильно расстроенный. Для него в этот день была истоплена баня, которую он любил и ходил раза три в неделю. Парился он не долго и в этот раз, кажется, он даже не парился, так как из бани он вышел скоро. Семья вся наша была дома в горнице, а я сидел в прихожей на лавке. Дедушка пришел из бани, сел на полку снял шапку, затем черный полуушубок и повесил его на крючок, сел на лавку рядом со мной и не сказал ни слова.

Я хотел только подойти к нему, в это время он сделал глубокий вздох и сразу же упал на пол. Никакого стона или вздоха у него не было. Когда подбежали к нему, но, кажется, уже было поздно, мама и бабушка в это время пришли с улицы, стали его отхаживать, делать искусственное дыхание, но ничего с ним уже сделать не смогли и тогда все поняли, что дорогой и всеми любимый дедушка Игнатий умер.

Это было вечером 19 марта 1918 года, самый горестный вечер для всех нас. Не стало у нас нашего дорогого и любимого дедушки и не верилось, что его у нас больше никогда не будет.

Хоронили его 22 марта, гроб с телом несли на специально сделанных носилках вплоть до церкви, это почти четыре километра. Гроб и крест были покрашены в черный цвет, впереди похоронной процессии ехали лошади, запряженной в сани, в которых были положены ветки пихты и по веточке бросали впереди похоронной процессии до самой церкви. За гробом до самой церкви шли три священника Георгиевской церкви Мироновского прихода, помню отца Константина, а также все служители церкви и два хора певчих. (Всех этих священников позднее красные расстреляли 13 июня 1918 года)

Народу на похоронах было много, шли не только наши деревенские, но из других деревень, дедушку знали во всех соседних деревнях как уважаемого и хорошего человека. Я никогда не забуду, как отпевали его в церкви, хотя прошло 78 лет. До сих пор помню, когда дедушку отпели, стали все прощаться с ним, я подошел к гробу, я не заплакал, а буквально зарыдал, стал целовать все лицо дедушки, лоб, щеки, губы,

бороду. Кто - то отвел меня от гроба, когда все попрощались, священник стал закрывать полотном лицо дедушки, я еще с ревом подошел к гробу, но меня уже не подпустили. И все дети, братья и сестры сильно плакали. Священник сверх полотна посыпал землей, потом гроб закрыли и заколотили гвоздями. Тогда поняли, что нам больше ни когда любимого дедушку не увидеть. Гроб из церкви несли также на носилках в сопровождении этих же священников, всех служителей церкви и пели вечную память.

На кладбище была вырыта глубокая и широкая могила, в торцах могилы были выложены из кирпичей стенки. Когда опустили гроб в могилу поверх гроба на стенки кирпича положили колотые плахи толщиной около 10 см. Могилу зарыли и сверху поставили деревянный крест, покрашенный в черный цвет и на нем было написано белой краской «Шабуров Игнатий Егорович родился 20 декабря 1853 года, умер 19 марта 1918 года». Да, после похорон всеми любимого дедушки, у нас у всех вились много горестных слез и мы не могли смириться с тем, что у нас никогда не будет дорогого и любимого дедушки. Поминки были дома, столовых тогда не было, выпивки никакой, это считалось великим грехом. На поминках обязательно должны быть ложки, которые покупали. Они были деревянные и их клали на стол во время обеда. Когда человек поел и уходил из - за стола, ложку он брал с собой. Вот такой был порядок.

Еще при жизни дедушки Игнатья 28 февраля 1918 года отмечали день рождения нашего хорошего брата Васи. Насколько же наша семья была рада этому событию. Это было нашей семейной радостью и жили тогда мы хорошо и весело потому, что все жили дружной семьей. При жизни папа, я его хорошо запомнил, был всегда жизнерадостный, веселый. Не помню, чтобы папа кому - то сказал грубое слово, со всеми был всегда ласков и как любил своих детей. Но ласкать всех у него не было свободного времени, всегда был занят, он много писал, делал чертежи и читал книги, а книг у него было очень много. Вот таким я запомнил своего отца.

А какое папа имел уважение у народа! За всю свою короткую жизнь он никогда не курил, не пил спиртного, всегда старался помогать людям советами, а иногда и материально. И вот трагическая смерть папы, которая произошла 29 августа 1918 года. Это событие было описано моим братом Флором Павловичем и я повторяться не буду, можно прочитать в его воспоминаниях. Но хорошо помню, когда привезли на телеге трупы расстрелянных вместе моего папы и нашего дяди Петра Дмитриевича Кайгородова.

Нашли их в конце сентября, тела убитых были брошены в яму как попало, а было погибших семнадцать человек, зарыты были очень плохо, пролежали в земле больше трех недель. Кто - то нашел эту страшную яму, их оттуда раскопали, по лицам людей узнать было трудно. Определяли в основном по одежде, были сильно разложившиеся с сильным запахом, а у папы был прострел в груди и на голове был штыковой прокол. На завтра одели в белье, а папе на голову платок, так как волосы на голове не держались. Когда одели, положили в гроб и накрыли крышкой, везли до церкви на телегах папу и дядю Петра.

Народа на проводинах было очень много, улица была буквально запруженна народом. Когда ехали деревней Забегаловой, тут еще шла похоронная процессия из Липино, везли Кротова Алексея Михайловича, одновременно расстрелянного с папой.

Он был из бедной семьи, инвалид, ходил на протезе. Алексей Михайлович был молодой, довольно грамотный, начинал писать немного стихи, юмористические. Он работал в Липинском сельсовете секретарем, а папа работал председателем сельсовета. И вот от деревни Забегалово везли на трех лошадях три гроба и народа было много, так как их провожали не только из наших деревень, но из соседних.

Гробы занесли в церковь, поставили все в ряд в центральном зале напротив алтаря, отпевали священники Михаил и отец Иосиф. Священники были новые, так как священники этой церкви отец Иоанн и Иоасиф были также расстреляны 13 августа 1918 года.

Когда покойных отпели, их на телегах повезли на кладбище, там была вырыта большая общая могила, гробы поставили в ряд, а сверху гробов сделали потолок из толстых плах, могилу зарыли и поставили три деревянных креста. Позднее кресты убрали и поставили один мраморный памятник, памятник стоял до 30-х годов и его никто не трогал. Просто люди знали, кто тут был похоронен. В день смерти этих людей селяне деревень приносили много цветов. После тридцатых годов посещать стали реже, а наша семья была раскулачена и выслана в далекий север.

В тридцатых годах памятник варварски был разрушен. Когда мой старший брат Фрол Павлович в 1990 году приехал на кладбище, памятник был весь разбросан.

Пришло 29 июня 1991 года Фролу, его двум сыновьям Николаю и Александру и мне восстанавливать памятник, обломки собрали на цемент, приделали эмалиированную фотографию папы с надписью и сейчас никто памятник не трогает. Когда поехали с кладбища, Фрол стал прощаться и сказал, что чтобы простили его, вероятно, ему больше здесь уже не бывать и, видимо, приехал в последний раз. Это событие было 29 июня, а 13 июля 1991 году Флора Павловича не стало.

Скончался он в Верх-Нейвьянской больнице, 12 июня 1990 года я его еще успел навестить, но он уже ни на что не реагировал. Похоронили его в рядом с его женой Александрой Степановной, Фрол жил после смерти жены ровно пять лет.

После гибели и похорон папы мама осталась одна, тогда ей было 37 лет, на ее руках осталось четыре сына и четыре дочери, да еще осталась наша старенькая любимая бабушка Евфимия. После трагической смерти папы она заболела, не смогла перенести гибель своего сына. Потом слегла и не смогла ходить, а в октябре 1918 года умерла. Похоронили ее как обычно, но тело несли на носилках до церкви, положили в одну могилу с дедушкой Игнатием, так как хоронить было некуда.

На похоронах народа было очень много, да я еще хорошо помню, что после смерти папы, мама нас всех усадила за стол, приготовила нам поесть и, видимо, посмотрев

на нас, начала подрагивать губа. Она сказала, что давайте ешьте, а я схожу к дедушке Ивану. Это был брат нашей бабушки Евфимии. Уходила она обычно в баню или дальнюю конюшню, там ревела, заходила к колодцу, умывалась холодной водой, чтобы не было видно, что плакала. К нам подходила как бы с улыбкой, она старалась не показывать своих слез. Что было у мамы на сердце, никто этого не знал.

Осенью нужно было убирать с хлеб с полей и маме помогали родственники и соседи. Пришла весна 1919 года, снова нужно было пахать и сеять. Фрол у нас был работник один, старший брат Алексей работал тогда секретарем в сельсовете вместо расстрелянного Кротова Алексея Михайловича.

Да, я ничего не написал про дядю Алексея. В 1914 году он был устроен папой учиться в Ирбитскую мужскую гимназию, а устроиться крестьянскому сыну было очень трудно, тогда принимали в основном городскую знать и духовенство. Но Алексей учился в школе очень хорошо и папа его все таки устроил, в гимназии проучился три года, а после смерти папы дальше обучаться не было средств, из гимназии уволился. Приехал домой, его как вполне гражданского и грамотного человека общество двух деревень, да еще как сына Павла Игнатьевича, пригласили работать секретарем сельского совета.

Вот Фрол и остался одним работником в нашем хозяйстве. Он всю землю вспахал, нужно было сеять, а сеять он никогда не сеял, хотя видел. Вот в одно утро приезжает наш дедушка Иван, нагребает семена и идет с Фролом сеять. Дедушка надевает лукошко и идет сеять, прошел по полю туда и обратно. Затем Фрол повесил на свои плечи лукошко и начал сеять. Работу его дедушка проверил, ему понравилась, сказал Фролу, что он сеет хорошо и чтобы продолжал. Сам сел во входничник и уехал. Фрол продолжили засеял одну десятину пшеницы, а дальше у него все пошло хорошо. В 14 лет все работы он делал хорошо и люди к нему относились очень доброжелательно.

Фрол для всех был равным хозяином и все его называли только Фрол Павлович.

В 1919 году урожай хлеба был хорошим, намолотили с достатком. В 1920 году хлеба были посеяны хорошо, всходы были очень удачными, но ранней весной ударили сильные заморозки и они на полях полностью замерзли. Пересевать было поздно, да и семян запасных не было в тот год. Хлебов почти не было, но уродилось много лебеды и вот эту лебеду заготавливали, хлеб у нас был из лебеды круглый год, правда в нее немного добавляли пшеничной муки.

Год был для всей нашей деревни голодный и плохо прожили. Пришла весна 1921 года, нужно сеять, а семян нет, доставали как могли. Нам тогда помогли дедушка Иван, мамин отец и дядя Дунаев Федор Иванович, это муж папиной сестры Александры Игнатьевны, жили от нас в 12 км. Фрол тогда сумел засеять всю нашу землю. Хлеба в 1921 году уродились очень хорошие, но в августе был сильный заморозок и померли все хлеба, дошла только ячмень, а зерно пшеницы было

щупленько, а хлеб из этой муки получался солодельный, но все же лучше, чем из лебеды. Так и сумели год прожить.

В 1922 году семян у нас снова нет. Маме и Фролу снова приходилось где - то искать семена, но добрые люди помогли. Снова земля была засеяна полностью. Но вот в этот год урожай хлебов был очень хороший, хлеба начинали поспевать, некоторые люди начинали жать, Фрол пошел обжинать поля до обеда, приходил победать, а затем лег отдохнуть. Но поднялась сильная гроза с ураганным ветром и крупным градом. Хлеб побило полностью, в колосьях ни осталось ни зернышка и их обмолотило полностью. Так у кого было скжато в стога ви суглоны, которые полностью разбило и колосья обмолотило, весь урожай был погублен полностью. Поля у самой границы от грозы уцелели, хотя и было побиты, но не много, у нас уцелела одна десятина пшеницы, правда ее тоже побило немного и с нее намолотили пшеницы. Вот так прошли три года, но были они голодные.

В 1923 - 24 году хлеба в полях уродились хорошие и наше сельское хозяйство стало поправляться и все пошло нормально. В 1924 году Фрол купил в деревне Лягушино у Федора Сидоровича старую изношенную сноповязалку, был он тогда рад этой покупке, всю ее разобрал, промыл, переписал все изношенные детали, поехал в Екатеринбург и на его счастье на складе сельхозинвентаря все эти детали были и он их купил. Дома взялся за сборку, собрал, покрутил и все пошло хорошо и, дождавшись уборки хлебов, поехали в поле и стали жать сноповязкой. И какая радость была у Фрола, да и у нас у всех.

В этот год хлеб в поле скжали очень быстро, да и кое - кому помогли соседям, Фрол хотя и был молод, но он хорошо взялся за сельское хозяйство. На плохих и далеких местах он стал применять посев клевера, сеял горох, который родился на этих местах не плохой. Когда в горохе появлялась плющатка и, не дожидаясь, когда появятся стручки, горох этот запахивал. На следующий год на этом поле сеял пшеницу. Она урождалась всегда хорошая. А так на этой земле хлеб не родился, а навоз туда было возить далеко. Клевер сеял Флор еще и потому, что от покосов было мало сена, но это был хороший корм для скота. Клевер в поле рос три года и косили его два раза за лето, затем поле пахали, хорошо разделявали и сеяли пшеницу и она вырастала хорошая как после пара.

В 1925 году Фрол женился, жена его была молодая из соседней деревни и у родителей была одна дочь. Я помню напутствие ее отца Степана Терентьевича, он сказал ей так: « Милая моя дочь, ты сама выбрала жениха, тебя никто не принуждал выходить замуж, идешь в большую семью и как бы трудно не было живи, обратно прийти к нам об этом и не думай. Когда стариками умрем, все наше хозяйство останется вам. В это время у нас была сноповязалка и мы жали хлеба вместе с Фроловым тестем, у нас в поле ехала вместе семья и сват, они начинали дружно и весело.

Затем у Степана стала жить ее сестра монашка Евдокия Кузьмина , да настолько она была человечной, она никогда не жила для себя и всегда старалась помочь всем и насколько же она была для нас доброй.

В 1928 году я женился, жену взял себе Таисию Васильевну из соседней деревни из большой трудовой семьи. Семья у тестя Трубина Василия Ивановича в то время была из 18 человек. Женился я не по любви, а по расчету, в то время скажу, не хватало невесток, да и любовниц было во всех деревнях много, но я решил жениться не на любовница, а выбирал жену трудолюбивую. А Таисию я знал много лет, так как гостили в д. Лягушино у дяди Александра.

И вот был такой случай.

В праздник Вознесения, где собирались много гостей, село было грязное, шел дождик и гости все приезжали в галошах. Усеней было, вероятно, пар десять таких галош. Таисии никто и ничего не говорил, она собирает галоши в корзину и понесла в озерко, вымыла их и составила во дворе возле стены.

Тогда ей было 14 лет и бабушка Екатерина, мамина мать, вышла на улицу, посмотрела на галоши, они были чисто вымыты. Вот тогда бабушка сказала: « Вот тебе Ванюшка и жена». И вот эти слова тогда и припомнились, последовал ее совету. Я даже Таисии не сказал, что ее хочу посватать. Как - то мама мне сказала, что мне хватить гуляться, не время ли жениться. Я ей не возразил тогда, она сказала своему брату Александру Ивановичу. Он был женат на старшей сестре Таисии и, в один день дядя Александр с Фролом поехали к Андрею сватать Таисию Васильевну. Отказ им не было и на другой день они взяли меня и маму с собой. Вот так и состоялась помолвка и я стал женихом.

Свадьба состоялась у нас 11 мая 1928 году.

Да, свадьба была богатая, вероятно эта свадьба была такой последней в деревне. Лошади были очень хорошие, запряжены все парами , а для жениха с невестой была тройка. Сбруя была начищена , все латунные бляхи, пряжки были отчищены до блеска. На лошадях были одеты галуны, к дугам были подвязаны колокольчики.

Все было очень красиво. Венчаться в Мироновской церкви я и невеста не решились, подумали, что будет много молодежи и народу, поэтому решили венчаться в Борисовской церкви. Эта церковь был приходская моей невесты и от нашей деревни была в 5 км. Я рассчитывал, что людей будет во время венчания не много. Но когда наша колонна на таких шикарных парах подъехала к церкви, народа набралось также много , в том числе и молодежи, потому что меня там многие знали, да еще много было девок , с которыми я в свое время дружил.

Таисия считалась богатой невестой с хорошими родителями. Когда же мы обвенчались и поехали домой, впереди была тройка лошадей, на которой везли молодую пару, а за тройкой шли пары, где ехали бояре и гости. Поехали деревней Борисовой, Андреевой,

Бучиной, Мироновой, Забегаловой и нашей Луговой. Погода была жаркой, сухой, из под колес пыль клубилась по всей улице. Свадьба наша длилась три дня, а на четвертый поехали в поле запахивать навоз. Флор запахивал, Таисия, сестра Шура заправляли навоз в борозду. Флору тогда очень понравилась работа моей жены Таисии и когда приехали домой, он похвалил работу Таисии.

Посевную мы тогда закончили хорошо, а после пошли работать в кирпичные сараи, где изготавливали кирпичи по 15-20 тыс. штук за сезон. Старались их сделать до сенокоса, работали все в полную силу, а жили мы дружно и весело. В эти годы у нас урожаи были хорошие, хозяйство наше стало поправляться, мы все жили очень дружно. Главой нашей семьи был брат Фрол и все ему подчинялись. В 1929 году мы перекатали деревянный дом, а в июне после посевной опять поехали в кирпичные сараи.

17 июня 1929 года работали всей семьей, я как обычно работал на прессе, а Таисия готовила мне катыши, обкатывая их с пяти сторон для печи, подавала мне на стол.

Работа была очень изнурительная, все делалось в наклон, вечером я поехал домой. Переночевали, а утром поехал в Липинский лог за лесом, а мама с Таисией напекли калачей, пирожков, картошки, шанег. Я подъехал с песком к дому позавтракать, стаскали все продукты на телегу, тогда мама сказала моей жене, чтобы оставалась дома, а сама съездит в сараи и поглядит, как там идут дела. Мы с мамой уехали, а Таисия осталась одна дома с племянницей Фрола Ангелиной, которая в то время уже было три года. Жена была беременна и ее стало, видимо, поджимать. Она затопила баню, затем сходила к соседке бабушке Марине, предупредила ее, чтобы она подошла к ней, когда освободится. Ангелину направила к соседке и сказала, чтобы она отнесла к ней юбку, которую соседка сшила Таисии и поиграла подольше.

За это время у Таисии родился сын, при родах ей помогала бабушка Марина, а вечером мы с мамой приехали домой, а нас никто не встречает. Тогда мама заходит в горницу, Таисия с сыном лежит на кровати, ребенок слегка плакал. Моя мама заплакала от радости, а сын родился здоровый и быстро стал поправляться и хорошо расти. Хлеба в этот год уродились хорошие, в семье было все хорошо, хлеба убрали во время, лошади у нас тогда были пригодные и хозяйство начало крепнуть.

В 1929 году в деревне появился колхоз, люди стали уезжать из деревни. У нас сосед запряг лошадь, в телегу погрузил, что было ценное, нагруженный полный воз, что смог унести, за телегу сзади привязал корову. На воротах повесил бумагу, на которой было написано, что уехал, что осталось, забирайте в колхоз. Так сделали несколько человек.

В феврале 1930 года нас раскулачили, все имущество забрали, увезли лошадей, корову, всю одежду, пастельные принадлежности, добрую одежду. Оставили старые шубы, крытые холстом, в которых мы управляем скотину, добрые валенки все забрали, оставили старенькие, подшитые кожей.

В доме буквально ничего не осталось, кровати были увезены, даже были забраны все горшки, лотки, ухваты и конка, так что в доме было чисто. Все это хорошо осталось в памяти. Таисия утром подоила корову, молоко вылила в кастрюлю. Но здесь приходит тогдашний активист и выливает это молоко в лоханку, когда у нас был полугодовалый ребенок. Это был Ольков Степан Павлович из богатой семьи, после его тоже выгнали из колхоза и не много потрясли. О нем я еще напишу, когда были на лесозаготовках.

Остались буквально голые стены, спали на лавках в одежде, что было на нас, да очень было жаль лошадей и когда их повели, я подошел к Серушке, поцеловал и заплакал.

Было очень жаль папину библиотеку, а книг было много, почти все русские классики Толстой, Тургенев, Мамин - Сибиряк, Некрасов, Пушкин, Лермонтов, Фет, Лесков, Фонвизин, Мельников - Печерский, Данилевский, Гоголь, Крылов, Жуковский, Белинский, Грибоедов, Достоевский, Островский, Чехов, Салтыков - Щедрин и еще многие другие. Были книги английских писателей, в основном это книги без переплетов, хотя некоторые были в переплетах. Папа эти книги выписывал с 1914-15 годах как приложение к журналу «Всемирной панорамы». Да у папы была большая амбарная книга, куда он записывал все, когда он прочитывал эту книгу, как бы давал рецензию, какое впечатление произвела книга.

Эта книга сохранилась, была для меня ценность. И приезжает на лошади, запряженные в большие разводьни, Кротов Алексей Никитич из соседней деревни Липино, с ним еще несколько мужиков, все эти книги стали вытаскивать из верхней горницы и сваливать в их беспорядке, не жалея их. Куда-то увезли, я так и не узнал. Прошло с тех пор шестьдесят шесть лет, но я до сих пор все это прекрасно помню и не могу забыть. Все делалось по варварски. После такого погрома ни в каменном доме, ни в деревянном ничего не осталось, одни голые стены. Хорошо, что остались лавки, на которых мы спали в своих старых одеждах. Так жили до высылки на Север. Хлеба нам не давали и соседи втайне от властей приносили нам немного хлеба, чем мы и держались.

Выслали нас из дома в последних числах февраля 1930 года, вот на этом и кончается наша крестьянская жизнь, а дальше повезли нас в далекий север по реке Обь до Кондинска. На этом пока писать заканчиваю, постараюсь написать продолжение о высылке. Все, что написал здесь, ничего не выдуманного нет, все мы пережили и перенесли на своих плечах.

Автор всего этого пережитого Шабуров Иван Павлович

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Напишу, что помню о выселении нашей семьи из дома и деревни Луговой, где я прожил 21 год.

В конце февраля 1930 года утром подъехали к нашему дому на лошади, запряженной в развольни, два человека, заходят в дом и приказывают всем нам собираться в дальнюю дорогу. Сказали, что нас из дома выселяют. А какие у нас были сбороы? Мы оделись в свои старенькие холщевые шубенки, обычно в них ходили управлять скотину.

Шубы были грязные, да еще все чиненные, в заплатах. На ногах были валенки, также подшитые, некоторые кожей. Багажа у нас никакого не было, ни постелей, ни одеял. Все было у нас изъято, спали на лавках без постелей и одежды, правда, кое-кто вместо подушек под голову клали полено дров, а спали в одежде.

Когда вышли из дома, после нас буквально ничего не осталось кроме лавок. Столы, табуретки, стулья чугунные, горшки, лотки, ухваты - все это было вывезено раньше. Остались пустые стены, а в середине - русская печь и каменка. Когда вышли за ворота, Таисию с Павликом посадили в развольни, благо там была брошена солома.

Из дома поехали я, Таисия, Павлик и две мои сестры - Шура и Таисия. Мамы в то время дома не было, нашли ее в соседях и посадили в сани. Выезжая из деревни Луговой, проехали рядом с домом, где жила наша старшая сестра Ирина Павловна. Они всей семьей стояли у ворот, но наша дорогая сестра пыталась подойти к нам, попрощаться с нами, но ее близко не подпустили. Представьте, какое было в то время самочувствие.

Поднялись на Липинскую горку, подъехали к школе, где учился наш младший брат Вася, который был в четвертом классе. Его взяли буквально из-за парты, учебники ему взять с собой не дали, посадили в сани вместе с мамой и Таисией. В Липино собирали в сельсовете девять семей из деревни Луговой и Липино. Выехали из деревни и поехали дальше до станции Егоршино. Мороз в то время был сильный, нас тут набралось много семей из разных деревень и селяне должны были привезти теплую одежду. Но ничего не привезли, а на улице только мороз потрескивает. Я увидел с нашей деревни активиста Пискова Федора Трофимовича, он был одет в нашу черную собачью ягу. Тогда я подошел к председателю сельсовета Самочернову Дмитрию Михайловичу, он был из соседней деревни Забегалово, ему сказал, что моя жена с маленьким ребенком, в очень плохой одежде, а на Федоре Трофимовиче наша черная собачья яга и хорошо бы этой шубенкой передать моей семье. Тогда председатель сказал, чтобы я взял у Федора Трофимовича ягу, а он со мной и разговаривать не хотел. Я был вынужден снова подойти к председателю, тогда он пошел со мной и приказал ему снять ягу и отдать мне. С каким трудом он снимал ее со своих плеч, как же ему было жаль эту ягу, хотя она была и не его.

Когда нас всех переписали, решили отправить пешком на станцию Баженово. Так ишли пешком, а на подводах ехали старики и малые дети. На станцию мы пришли вечером, всех нас завели на мельницу, у которой все двери все были открытые, окна выбиты. Все перемерзли, так как температура была очень холодная близко к 40 градусам мороза, темно, света не было. Ночью поставили товарные вагоны - пульманы, в которых были сделаны нары в два этажа из досок. Нас погрузили в вагоны человек по 60-70. Тут ветром не так брало, у вагона была поставлена охрана с ружьями по два человека. Одной из женщин захотелось оправиться, она вылезла из вагона, тут же садится и справила нужду. А рядом с ней по ту и другую сторону стоят с ружьями охранники. Вот каких отправляли в далекий Север преступников.

В ту же ночь из Баженово нас отправили в Тюмень, где нас выгрузили, здесь же подогнали снова сани, некоторые были без всякой подстилки. Стариков, старух и малых детей посадили на подводы, а остальные взрослые пошли пешком за подводами до Тобольска. В обозе было более 800 подвод и он растянулся не на один километр. Погода была сильно холодная, под 40 градусов холода, под полозьями только поскрипывало, лошади и бороды у мужиков были в сильном кержаке. Целый день мы ехали, когда стемнело, заехали в деревню и стали расселять по домам на ночлег. Всех водной деревне нас разместить не смогли, а люди рассчитывали, что они тут обогреются, но им сказали, что они поедут в следующую деревню, а это нужно еще проехать 5-6 км. Нас встречали жители по разному. Раз попали в дом, где встретили как врагов народа и место указали нам у порога и за ночь мы не смогли отогреться, а утром опять пришлось ехать в такой холод. Иногда попадали к хорошим людям, нас принимали хорошо, жалели чистосердечно.

В одном доме нас встретили муж и жена средних лет, они сразу же затопили каменку, вскипятила самовар, поставила на стол. Когда накамине нагрелась вода, они помогли помыть Павлика, постирали белье, все это к утру высушили. Нас положила на полати и удалось за всю дальнюю дорогу ночевать в тепле и по человечески. Я не знаю, спала тогда хозяйка или не спала, но утром стала просить, чтобы оставили малыша Павлика. Она убеждала нас, что мы его заморозим дорогой. Но на это не решились, а утром хозяйка, видимо, сходила к соседям, взяла у них булку хлеба, порезала на ломти, завернула в свое полотенце и проводила нас за ворота.

Как я был после недоволен собой, что не узнал их имен и адресов и как им благодарен за прием до смерти. Не забуду и буду всегда вспоминать их, есть же все-таки добрые люди! Ближе к Тобольску пришлось видеть в нескольких церквях и часовнях умерших людей. В одной церкви было около 10 тел, которые замерзли дорогой, так как холода стояли ужасные. Я до сих пор удивляюсь, как мы выжили, пока ехали из Тюмени в Тобольск, вероятно, не меньше недели, что хорошо помню.

Проехали через знаменитое село Покровское, рядом с домом Распутина. Был дом двухэтажный, опалубленный, покрашен в голубоватый цвет, покрытый железом и очень хороший. Когда мы добрались до Тобольска, всех завели в какое-то казенное помещение, привели в столовую, усадили за столы, подали нам всем по тарелке ухи и

по ломтику хлеба. Но на сколько же мы были рады такому обеду! В городе ночевали, утром подали сани с сибирскими лошадьми, были они не крупные, но резвые, сани не кованые на широких полозьях. Снова посадили стариков, старух и детей, а все взрослые двинулись пешком. Выехали на реку Иртыш, и вниз по реке прошли еще 120 км и дошли до деревни Луговая.

Рядом с этой деревней на левом берегу Иртыша на горе шириной 300 метров стояла деревня Елинкина, напротив на правом берегу стояла деревня Нагорная. Стали расселять по домам, поселили на краю деревни Луговая к крестьянину Слинкину Осипу Степановичу. Внутри дома не было никаких перегородок, общая большая комната, русская печь и каменка. Хозяин был рыбак, имел лошадь. Дом Осипа был связан общими сенями с таким же домом, в котором жил его брат Михаил. К нему вселили семью Потаскуевых из деревни Сарафаново. Стали жить, работы никакой не было, так и жили ничего не делая. Стали давать паек, хотя и небольшой, но все таки с голоду уже не умрешь. К тому же я стал с Осипом ездить на рыбалку, всегда привозили рыбы разную, в основном хорошо ловился язь, иногда попадалась нельма и стерлядь, которую ловили на переметы.

Это такое снаряжение, на длинный толстый шнур длиной 120-180 метров, привязывали крючок остро заточенный. Шнур протягивался поперек Иртыша. Насадки никакой. Утром этот перемет выбирали, что делал обычно Осип Степанович, то снимал первую стерлядку и съедал живую, ничем не посолив.

Я пытался следовать его примеру, но у меня ничего не выходило, сырую рыбу не мог есть. Зимой ездили на озера, где ловились караси, довольно крупные и жирные. За счет рыбы мы стали питаться гораздо лучше, однажды предложили поехать на заготовку дров из сухостоя. Я изъявил желание, делянку нам отвели не далеко от деревни. На заготовку дров я жил со Слинкиным в бараке, лес рубили только сухостоя, в основном был ельник, пихта и немного сосна. Изредка я приходил в деревню к семье. Работал там более месяца, заработал 30 кг белой муки, 6 кг сахара, масло подсолнечного, крупы разной. Такой заработка был для нас просто кладом, питаться стали уже лучше, ели досыта.

Но было плохо с одеждой, выехали из дома во всем в старом и, конечно, все поизносилось и я решил самовольно съездить домой в деревню Луговую. Договорился с одним парнем из соседней деревни Забегалово Шелегиным добраться до деревни. Дорогой нам идти было нельзя, потому что сразу могли арестовать и пошли урманом правой стороной Иртыша лесом. Это около 130 км до Тобольска. Однажды нам в лесу попался один небольшой поселок, в котором было 8 дворов. Сначала его обошли, не посмели показываться, но все же решились зайти в крайней дом. В нем жили две женщины, мать и ее сноха, но довольно приветливые. Сноха лет 40 тоже показалась женщиной неплохой. Они нас особо не расспрашивали, кто мы такие и откуда, но предложили покушать, конечно, не могли отказаться. Они налили по тарелке уши и дала хлеба. Мы быстро покушали, поблагодарили, хотели рассчитаться за обед, но они

ничего не стали брать. Сказали, что идем в Тобольск, поблагодарили за вкусный обед и поскорей пошли в Тобольск, пришли в город рано утром.

Сначала поднялись на гору, где был монастырь и тюрьма. Постарались скорее спуститься к центру города, затем пошли на пристань, купили билеты на пароход до Тюмени. До города доехали хорошо без всяких приключений, затем дошли до вокзала, купили билеты до Свердловска, зашли в столовую, пообедали, а вечером по расписанию уже ехали домой. По приезду в Свердловск пришел на квартиру к брату Алексею. Он с семьей занимал небольшую комнату в частном доме на углу улиц Ленина и Восточная. Шелегин же сразу поехал домой в свою деревню. Ночевал у Алексея, а назавтра вечером поехал домой, в деревню пробрался незамеченным к своей сестре Ирине Павловне. Свекровь Ирины была еще жива, но как они были рады моему приезду, старались меня покормить и приласкать. Свекровь Ирины Евдокия Алексеевна была старушка очень доброжелательная, она старалась помогать Ирине, подбирала платья и рубашки для нашей семьи и называла нас северянами. Ирина же где то сумела достать мой серый пиджак.

Это был добрый пиджак, но брюки были другого цвета, но вполне приличные. Когда я оделся в этот костюм, то стал походить на порядочного человека. У сестры Ирины ночевал две ночи, но все время взаперти в маленькой комнате. У зятя был скотный двор, людей много и мне приходилось находиться в напряжении. Когда отгостили, мне собирали мешок одежды и рано утром рас прощался, незамеченным вышел и поднялся на угор, где Федор Павлович за польскими воротами посадил в тарантас и отвез меня в деревню Лягушино к дяде Александру Ивановичу, который в тот же день отвез на станцию Егоршино.

Утром я уже был в Свердловске, Алексей купил билеты до Тюмени. Обратно поехали втроем: я, Шелегин и дядя Кайгородов Дмитрий Дмитриевич. Он поехал на север к семье, она была выслана, но он решил поехать к ним. Когда отъехали от станции, Шелегин успел изрядно выпить, а пьяный становился скандальным. Ехали в одном купе, а Шелегин уже успел повздорить с одним пассажиром. Сколько не старались его уговорить, все было бесполезно. Я с дядей были вынуждены уйти в другое купе. Когда приехали на станцию Камышлов, то пришли два милиционера забрали и увели Шелегина на вокзал. Затем те же милиционеры вернулись и им пассажиры подсказали, что с Шелегиным ехали двое и указали на нас.

Нас задержали, привели на станцию, допросили, затем посадили в камеру без окон, но с железной дверью. Мешки наши с вещами остались в кабинете лейтенанта милиции. Ночь переночевали, в основном переговоры с лейтенантом вели я. Пришлось убеждать, что наши билеты могут пропасть, а денег у нас не было, но утром снова пригласили. Лейтенант сказал, чтобы взяли хлеба, а затем снова отвел в камеру, где мы пробыли до вечера. Вечером вывели, взяли свои мешки и милиционеры повели к железнодорожной кассе, где закомпостировали наши билеты, привели к пассажирскому поезду и посадили до Тюмени. Приехав в город, купили билеты на пароход до Тобольска, до которого доехали без всяких приключений. В Тобольске

купили билеты и доехали вниз по Иртышу до какой - то пристани, которая была не так далеко до деревни Слинкиной, откуда пошли пешком до своей деревни.

Когда стали подходить к деревне Слинкиной, то увидели, что на берегу Иртыша стояло много народа. Оказалось, что из деревни Слинкиной переплавляли лошадей, а ширина Иртыша была метров 300. В лодке стояло 4 лошади и когда осталось до берега метров 60, одна из лошадей, которая стояла у кормы, выступила задней ногой за борт и могла перевернуть ее. Но на корме сидела сестра Таисия Павловна и когда лошадь выступила за борт, Таисия эту ногу захватила и не давала ей вырваться. Я увидел, что может случиться беда, сразу же всю одежду посыпал и поплыл к лодке, тут же стал придерживать ногу лошади, прижав ее к борту. Таким образом доплыли к берегу и лошадей благополучно разгрузили.

За лошадьми должен был поехать я, но меня дома не было и Таисия решила меня заменить. Мое же отсутствие прошло незамеченным, начальство даже не допрашивало, предполагалось, что наша семья должна была заниматься сельским хозяйством, т.е. пахать землю, засевать пашню, заготавливать сено, для чего и были выданы плуга, бороны, косы. Но пахать так и не пришлось, в скором времени была дана команда собирать пожитки и нас должны отправить на север. Распрощались тепло и сердечно со своими хозяевами и переехали на пристань.

Вечером подъехал к пристани пассажирский пароход « Алексей Буй», всех погрузили в трюм рядом с лестницей. Пароход оттолкнули от пристани и он поплыл вниз по течению до Кондинска. На пароходе был неприятный случай. Сын Павлик спал рядом с лестницей, раскинувшись, а одна женщина несла ведро холодной воды, поскользнулась и вода полностью вылилась на спящего ребенка. Переполох был большой, но все обошлось благополучно и до Кондинска уже не было никаких происшествий.

Когда наш пароход пришвартовался к пристани, стали выходить на берег, увидели наших земляков. Это из Таисиной деревни Юрьев Василий Кузьмич и его жена Фекла Ивановна, сноха Анастасия Ивановна, затем хорошо знакомые мои друзья из деревни Деево, из села Арамашево. Была радостная встреча, нас сначала поселили в женский монастырь, никаких коек или хотя бы топчанов не было, спали просто на полу, затем познакомился с Налимовым Николаем Никитичем. Это был хороший друг нашему брату Алексею Павловичу и Николай во многом помогал моей семье.

В Кондинске получили паек, хотя и не богатый, но с голоду не умерли, работу в первое время не давали. С Николаем решили жен отправить домой, так как к нам пришло письмо из деревни, в котором сообщалось, что нас восстановили, раскулачивание как бы было не правильное. Таисия с Павликом и Налимова Наташа уехали домой.

Напротив Кондинска ширина Оби достигала 2 км и стояли более двух десятков монастырских домиков на два окна. По правую сторону Оби были горы и леса, а в левой стороне - заливные луга на десятки километров. В свое время монашки тут заготовляли сено. Напротив Кондинска река Обь делится на двое, слева идет река

Малая Обь, довольно большой ширины. Однажды к пристани подгоняют большие лодки, которые поднимают 300-400 пудов, нас груят и везут вниз по малой Оби за 50 км , затем выгружают в сосновом лесу.

Это была небольшая возвышенность, где росли хорошие сосны, а кругом - не проходимые болота, а у реки стояло два поселка по 7 домиков.

Один из поселков был от нас в 6 км. Затем от нас угнали лодки и узнали, что с этих мест не выбраться, кругом тайга и болота. На берегу осталось около 30 семей, большая часть была из Челябинской области. Мы поняли, что никто не поможет и на завтра стали рубить сосны и расчищать площадки для домов. Начали строить пятистенные дома на две семьи, сумели быстро построить баню, каменку.

Баня получилась отличная, а потом ее использовали для посиделок и вечеринок, собирались молодежь, играли на гармошке, пели и плясали. Дома ставили довольно быстро, крыши крыли шифером. Для моей семьи выделили второй дом, а во вторую половину поселили семью из Раскатих Егора Егоровича. Затем к нам приезжал Степан Ефимович и увозит маму Таисии Павловны.

Я с Василием остался один. Налимов Николай так же остался один и мы с ним решили отступать домой. Вопрос стоял, как пройти 6 км до соседнего поселка через болото, где была пристань для парохода. В выходной день пошли искать проход, отметили его ветками, зачесами на деревьях, но нашли. Для поездки насыпали сухарей, да еще подговорили идти с нами Малыгина Сашу из деревни Леневской. Вечером, как обычно, пошли в баню, но пробыли там не долго, попрощались под предлогом, что охота спать и ушли домой, забрали наши мешки с сухарями и двинулись по проходу через болото до соседнего поселка.

Утром перед восходом солнца пришли в поселок , на берегу нас встретил стариок Юрьев Василий Кузьмич, это сосед Таисии из деревни Андреевой, мы с ним поговорили и сказали, что отступаем на родину. Он помог достать лодку до Кондинска, распрощались и поплыли вверх по течению. Доплыли избушек, что напротив Кондинска. Наш приятель Малыгин Саша поехать дальше с нами отказался, у него в Кондинске была семья, мать и сестра . Зашли в одну избушку, в которой встретили знакомого из Ачита. Он остался один на все избушки, остальные были на рыбалке. Объяснили свой план, он рассмеялся и говорит, что хорошо, что попали на него, достает свои документы и показывает, что является тайным агентом ОГПУ, завербован был в Тюмень.

Но он не стал нас трогать, сварил ухи и сказал, что должен пойти на рыбалку, но лодку подгонят под куст, а весла возьмете в сенях. Предупредил, что когда доплынете до места, дайте телеграмму и указал ее содержание или же напишите письмо. Распрощались с ним по дружески, он пожелал счастливо доехать до дома и ушел на рыбалку, а мы остались в доме одни. Немного подумав, решили , что плыть в

Кондинск нельзя, потому что милиция уже нас знала, вниз по Оби плыть легче, но по прибытию в Кондинск милиция может проверить документы.

Решили, чтобы не показываться в Кондинске, надо плыть вверх по течению до Малого Отlyма, а это 30 км. Плыли ночью, утром начало всходить солнце и мы приехали в поселок, который находился на правом берегу Оби на косогоре. Домиков было не много, зашли в один, в котором жили муж и жена лет 50, хозяин работал кладовщиком, хозяйка не работала. В это время вниз по Оби прошел пассажирский пароход «Москва». Хозяин подсказал нам, чтобы сходили в Большой Атлант и встали на учет, что мы приехали на этом пароходе. Этот поселок был рядом на правом берегу реки в 12 км.

Мы сбегали до поселка, нас поставили на учет и вернулись обратно, где прожили дней 5. Но хлеб начал кончаться и хозяйка видит, что с едой не важно и предложила перенести несколько мешков сахара, муки, два ящика стекла и крупы. Она также подсказала, чтобы не брали за работу деньги, а взяли мукой и сахаром. Так и сделали. Хозяин нам навесил белой муки 8 кг, сахара 4 кг. Когда продукты принесли домой, хозяйка нам муку всю испекла и получился хороший хлеб. Затем хозяйка говорит, что должна подойти «Москва», но она может здесь у поселка не пришвартоваться, но вот в селе Большом Атlyме обязательно делает причал.

Вечером причалил грузовой пароход, забрал груз, который мы грузили к пристани, зашли на этот пароход и попросили, чтобы взяли нас с собой. Но моряки сказали, что повезут нас до Тобольска бесплатно с условием, что будем помогать грузить дрова. Однако, когда мы зашли в пароход, в коридоре неожиданно увидел того рыжего лейтенанта, который нас допрашивал в Камышлове. Я успел отворотиться и сказал напарнику, что он меня знает и может арестовать видел. Когда пароход причалил в Большому Атlyму, сказали, что дальше не поедем, а будем ждать пассажирский пароход «Москва».

Сошли на берег, а солнце только начало всходить, зашли в крайний дом, благо у неё была затопленная печка, а в сенях в корыте лежали еще живые налимы. Мы попросили хозяйку, чтобы сварила уху. Она это сделала быстро, налила нам по тарелке ухи, как услышали гудок парохода, который уже подходил в поселку. Скорей хозяйку поблагодарили, решили с ней рассчитаться, но она денег с нас не взяла и быстро пошли на пристань. Пароход пришвартовался, выбросил трапы и объявляет, что берет только почту, а пассажиров никого. На трапе стоит тот милиционер, которыйставил нас на учет. Мы ему кричим, что мы у вас на учет вставали и приехали на этом же пароходе и милиционер нас пропустил на пароход.

Николай сразу же пошел в кассу и купил билеты 1 класса. Смотрим на палубе стоит Малыгин из Леневки, Кротовы из Липиной и еще две семьи, я сейчас не помню их фамилий. Мы не знали, или их освободили или едут без разрешения. Оказалось, что едут самовольно. На следующей пристани к нам сели пассажиры, четыре моряка, молодые ребята, у нас каюта была 3 местная, одного из них поселили у нас и три

человека поселились в соседней каюте. Они работали водолазами, чистили пески от валежника. Мы с ребятами быстро сошлись. Николай с ними всю дорогу до Тобольска играл в карты, столовались все вместе, вернее мы ехали на их изживении, они везли зажаренного быка, сахар, хлеб, конфеты, всего этого у них было много и до Тобольска доплыли прекрасно.

Когда милиция стали проверять документы у пассажиров, кто ехал на палубе и во втором классе, а это на втором этаже, а наш 1 класс был на третьем этаже, то у нас документы не проверяли. Когда причалили к Тобольску, из парохода стали выводить арестованных. Видим, что всех Леневских, Липинских вывели с парохода, было их человек 50, затем разрешили выходить и пассажирам. Мы с моряками-водолазами распрощались, так как они ехали только до Тобольска.

От Тобольска до Тюмени доехали без всяких приключений. Когда стали подплывать к Тюмени, снова стали проверять у пассажиров документы, но нам в 1 класс опять никто не пришел. Когда пришвартовались к причалу, сначала вывели несколько арестованных, а затем стали выпускать пассажиров, а трапы были с двух сторон парохода. На трапах стояла милиция, проверяла документы. Когда люди совсем вышли, некоторые стали заходить на пароход за оставшимися вещами. Мы решили рискнуть и с Николаем пошли к выходу, неся на плечах мешки. Николай шел впереди, а я за ним. Когда зашли на трап, милиционер стал спрашивать документы, тогда Николай сделал серьезный вид и сказал, что сколько раз вам можно показывать документы, мы сейчас только за оставшимися вещами прошли. Милиционер не стал требовать и пропустил нас.

И как же я был рад, когда ступил на тюменскую землю. Зашли в столовую, пообедали, выпили по бутылке пива, а затем пошли на телеграф и послали телеграмму в Кондинск Пряхину, как он и советовал. Пришли на железнодорожную станцию, купили билет до Свердловска и вечером поехали.

В Свердловске мы с Николаем распрошались, он поехал домой, а я к Алексею.

К моей радости, был он дома, сразу же направил меня в баню, дал свое белье, переночевал, а на завтра вечером с Алексеем поехали домой в Луговую. Я пошел к дяде Дмитрию, а Алексей куда-то ушел. Когда меня у дяди посадили за стол, появляются двое селян с ружьями, сразу арестовывают. Это были наши активисты Писков Иван Романович и Каюков Алексей Андреевич, которые повели меня в Липино, посадили в комнату за железной дверью. Просидел я там часа два-три, затем услышал голос Алексея, видимо, кто-то сказал, что меня арестовали, но не стали задерживать и выпустили. Как только меня освободили, пошел в деревню Забегалово к тестю Фролу Налимову Степану Терентьевичу. Фрол тогда жил со своей семьей, у него переночевал, а на завтра из сельсовета к нам приносят предписание о выезде в Алапаевский леспромхоз, рубить дрова. Мы переночевали еще один раз и поехали в Алапаевск.

И вот я приехал домой, чтобы нас восстановили и освободили, надеялся, что получу какое - то жилье, пускай не свое, дадут лошадь, сельхозинвентарь и буду заниматься сельским хозяйством, а тут получилось все не так и на перекосяк.

Я даже не смог повидать жену с сыном, так как Таисия жила в Андреевском хуторе у ее брата Трубина Александра Васильевича и я был вынужден с Фролом и еще с одним односельчанином Шабуровым Александром Степановичем выехать в Алапаевск.

По прибытию нас направляют в поселок Стронкину, куда была проложена узкоколейка и в тот же день приехали на лесоучасток, где находился барак, в котором пришлось жить.

Барак был не так далеко от поселка, когда пришли былоуже темно, у столика сидел молодой человек и больше никого не было. В бараке былинны с двух сторон во всю длину, была истоплена каменка, немного закусили и легли спать уставшие с дороги и быстро заснули.

Спустя некоторое время наш Александр Степанович как заорет, а мы не знали, в чем дело, так же соскочили с нар. Но было темно, но оказалось, что к нему под опушку кальсон попал то ли хомяк, то ли крыса. Он хомяка поймал и даже раздавил, но после этого случая до утра все уснуть не могли. Всю ночь по полу бегали крысы, их было несметное количество! На завтра к нам в барак заселили раскулаченных из сел Костино и Мелковерово. Для хранения продуктов и хлеба пришлось на возвышенности между четырех сосен сделать настил, к нему ставили лестницу, Сосны оковали кругом железным козырьком и все продукты хранились там же.

Люди в бараке были хорошими и мы втроем быстро подружились.

Рубили дрова длиной 1 м 20 см, лес был смешанный, в основном ель, сосна, береза, осина, поскольку все были раскулаченные, то разговор был общий.

И вот через какое - то время к нам поселяют нашего дядю Кайгородова Димитрия Дмитриевича, а с ним и Олькова Степана Павловича, который нас раскулачивал! Мы, конечно, все рассказали про его дела, что он за человек. У нас была женщина Катя из села Костино, довольно солидная, крупного телосложения, когда садились за стол, она обычно его допекала. В особенности спрашивала Степана Павловича, брал ли что себе из вещей раскулаченных. Он обычно клялся и божился, что никогда и ни кого и ничего не брал. Вот однажды вечером после работы покушали, Степан Павлович лег на нары и уснул, лежа на спине. Я подошел и увидел на нем кальсоны, но они были очень похожи на те кальсоны, которые были с приданым от семьи Таисии. Были холщевые в четыре полоски и четыре строчки, спущенные, сильно бросались в глаза и покрой был клинышками на них. Но главное и на мне оказались кальсоны точно такие же.

Я подозревал Екатерину и показывал свои кальсоны, сравниваем смешанные ряды и пошив. Она не выдерживает и хватает Степана Павловича за грудки, орет на него: «Как же ты божился и крестился, что ничего ни у кого не брал, а не погнушался взять

кальсоны, так что ценное брал без зазрения совести?» Здесь подходит Фрол, он всегда был спокойным парнем, а тут его так затрясло. Подошли все мужики, особенно был агрессивным Гневанов Геннадий, такой рослый, физически развитый, так он схватил Степана за ворот и начал трясти. Вику, что может быть страшный поворот, я всех унял, сказал, что не связывайтесь с удобрением и с большим трудом успокоил всех. Ночь спал я мало и плохо, а на утро Степан Павлович от нас сбежал ни с кем не попрощавшись. Дядя Дмитрий еще до этого поступил сторожем в контору лесозаготовок на Стронкину, а мы продолжали рубить дрова.

В первое время начальство предложило заготавливать лес коллективом т.е. одной большой бригадой, одни должны валить лес, другие очищать сучья, третьи убирать, четвертые пилили на дрова, пятые кололи, шестые складывали в поленницу. Помню, когда Фрол говорил, что так не получится, рубить дрова нужно по два человека и производительность будет больше, а начальство настаивало на совместной рубке, но все это распалась, а получалось из-за одного случая.

Сосны нужно было валить крест на крест, т.е. чтобы комель был вверху и в распиле пилу не зажимало. Получалось так, что сучкорубы чистили дерево на вершине, а в это время на комель свалили дерево, которое сильно ударило и вершина сыграла вверх, а на ней чистили сучья и сучкорубов подбросило высоко вверх, что привело к тому, что у одного сучкоруба сломало три ребра, а второй отдался не значительными ушибами. После этого случая коллективная рубка распалась и стали рубить парами.

Зиму рубили втроем, с нами был еще Шабуров Александр Степанович, заготовили 1500 кубометров дров. У нас была самая высокая порубка, больше нашего никто нарубить не смог. Но начальство говорило, если быне были раскулаченными, то бы завалили премиями, но не могут это делать. Когда закончились лесозаготовки дров, мы рас прощаались и в последних числах апреля поехали домой. Приехали домой 30 апреля 1931 года, а вернее приехали не домой, а в деревню Забегалово к Налимову Степану Терентьевичу, ночевали, а на завтра 1 мая в первой половине дня увидел в окно, что идет моя дорогая жена Таисия Васильевна с Павликом, которого она несла на руках. Рядом шла Таисия Ивановна, шла навестить отца Казанцева Ивана Андреевича. Как я рад встрече с женой и сыном! Вместе пошли навестить сестру Мантурову Евросинию Васильевну, у них мы ночевали, а на завтра пошли в деревню Раскатиху, где жили родители Таисии.

Но жили они не в своем доме, а в доме раскулаченного Михаила Ивановича, мы прожили дня три-четыре и по совету моего тестя Трубина Василия Ивановича, не пошли в свою деревню. Решили ехать в город на производство и 5 мая из Раскатихи ушли на станцию Самоцвет, купили билеты до поселка Монетный, хотели устроиться на работу, так как там начали развивать торфоразработки, добрались до поселка Еловый и встретили Налимова Николая Никитича, с которым мы ехали вместе с Темного Мыса на Оби.

Николая, как только он приехал домой в деревню Налимово, его сразу же арестовали и выслали из деревни в пос. Монетный, где начали проживать в бараках. Он дал мне совет - не оставаться здесь, а ехать в Свердловск на вновь строящийся завод Уралмаш. В этот же день, купив билеты на поезд до Свердловска, мы уехали. Утром 6 мая приехали на станцию Свердловск. Когда вышли на привокзальную площадь, увидели небольшой автобус, на котором было написано «Уралмашстрой». Автобус вмещал 30 человек, вошли в него и сели на заднее сидение, автобус тронулся. Ехали лесным массивом, кругом был лес сосновый стройный лес, по всей дороге была такая красота и вскоре привезли на площадь первой пятилетки, вышли из автобуса.

Тогда я и не предполагал, что это будет наш родной Уралмаш завод, в котором проживу всю жизнь.

От площади тянулась улица Ильича, на которой стоял один четырехэтажный кирпичный дом, далее по улице в обе стороны было много строящихся домов. Строили их без всякой подъемной техники, весь материал на этажи поднимали на спинах мужчин, в основном на спине на так называемой «козе». Это на вид обычная скамейка, только разница была в том, что ножки был вдолблены в доску с одной стороны, а две с другой стороны. И вот эти ножки ложились на спину рабочего, на которые грузили кирпич или другой материал и поднимали до четвертого этажа. Такая работа была физически тяжелой. Параллельно улице Ильича шла улица Красных Борцов от заводской площади до улицы Кировоградской, где стояла обычная деревенская изба, в которой была парикмахерская. Позднее нам пришлось познакомиться с парикмахером - мужчиной, вскоре Таисия поступила к нему работать уборщицей.

Парикмахерами были братья Шубины - Сергей, Николай и Леня, затем были трое братьев Найдич. В последствии они научили мою жену Таисию парикмахерской профессии.

По улице Красных Борцов стояли брусьчатые деревянные двухэтажные дома, слева одноэтажный дом, в котором был продуктовый магазин №3, в то время он считался одним из лучших, далее нам подсказали, что на пересечении улицы будет улица Калинина, по которой нужно пойти вправо и там в бараке помещается отдел кадров Уралмашстроя. Я посадил Таисию с Павликом на скамейку у дома, а сам пошел с бьющимся сердцем в отдел кадров. Была небольшая очередь, а сердце трепетало от того, что моя справка написана из сельсовета была настолько безграмотна и написана безобразным почерком. Кто писал такую справку, я не знаю, но мне кажется, что он окончил не более одного класса, в крайнем случае два класса. В справке было, что я, якобы, из крестьян, сын середняка. В отделе прочитали мой документ, спросили о моей специальности. Я ответил, что у меня нет никакой специальности, только я в деревне стряпал кирпичи всей семьей. Мне сказали, что я буду работать на кирпичном заводе, а в смысле жилья сказали, что нет ничего, будешь сам искать место в бараках.

На кирпичном заводе было двадцать два барака, выдали мне талоны на получение хлеба в столовой и продуктов. Но вышел я из отдела кадров радостным, сразу же выкупили продукты. Получив хлеб, пошли в столовую, хорошо пообедали. Пришлось пройти санпропускник и баню. Ночевать пришлось в санпропускнике в чистом помещении, а наутро пошли искать себе жилье. Но куда бы не зашли, все бараки были битком набиты. Зашли в барак №17, там полно людей, но с краю были семья Чистяковых, знакомая нам и бабушка Парасковия, которая обратилась ко всем живущим, что давайте потеснимся и дадим места ребятам.

Все потеснились и нам нашлось место напротив двери, но мы были рады, что вселились. В бараке у нас было 10 семей, все были разные. У Марковых было 5 детей, были и молодожены. Со склада принес топчан, затем сходил и получил наволочку под матрас, подушку, байковое одеяло и тумбочку. Матрас и подушку набил стружкой, получилась у нас неплохая постель. Стол был общий на всю длину барака, все продукты хранились в общих шкафах, он стоял в сенях, в нем были полки, каждая полка было на две семьи, шкаф закрывали на маленький замок, ключ от шкафа висел на столбике над столом.

В бараке прожили около двух лет и не было ни одного случая, чтобы что-то у кого-то пропало, никто не воровал, хотя люди были разные, сибиряки, украинцы, уральцы, а одна семья татары. Жили очень дружно, в бараке была идеальная чистота, мыли в среду и субботу. Что еще интересно, у нас был некто Зорин, нигде не работал, жил только воровством, но у нас ничего не терялось. Иной раз вечером собираемся вместе, мужики начнут разговор. А он еще не пьяный начнет разговор, что у нас ничего не теряется. Зорин часто вечером приходил пьяный, тогда сообщали в милицию, она была по соседству. Милиционер приходил, запрягался в ноги и утаскивал в милицию, а на завтра утром приходил как ни в чем не бывало. Был такой случай с его сыном Виктором, которому в то время было 10-12 лет. Он с одним приятелем изготавливали конверты и торговали ими, а бумагу доставали из типографии из обрези.

Один раз Витьку поймали, мужчина сначала сильно надрал за уши. Витька закричал, мужчина смял бумагу, обмочил типографской краской и все лицо ему измазал. Витька домой приходит с закрытым лицом, а когда открыли и узнали в чем дело, то отмывали его всем бараком, кто только чем посоветует, даже из других бараков помогали. А краску отмыть не так-то просто было. После этого над Витькой долго смеялись и с тех пор торговля конвертами прекратилась. Я вспоминаю те времена с теперешними - какая громадная разница! Вот эти же Витькины и его друзья могли свободно воровать, но не занимались этим. Когда я устроился с жильем, на завтра сразу пошел на работу.

В первый день я работал у Коптелова Павла Васильевича на планировке узкоколейки. На машину у меня настроение очень хорошее, я уже себя считал рабочим и домой пришел уже радостным. На завтра перевели в забой на машину №2 для подачи глины, где работало шесть человек. Таких машин было три и решили, что будем работать вчетвером вместо шести и у нас будет заработка высокий. В бригаде

были Бусыгин Петя, Охотников Степан, Мокеев Иван и я. С этой бригадой работали два сезона 1931 - 32 году. И насколько же мы были дружны, работал с удовольствием, не смотря на то, что работа землекопа физически была очень тяжелая. Но я был рад тому, что мы больше не голодали и влились в общую массу народа. По окончании летнего сезона кирпичные машины останавливались и нас на зиму переводили на рубку леса в на месте, где стоит дворец имени Лаврова почти до кинотеатра Заря. Рубили лес на дрова и у нас было почти все хорошо и спокойно.

В 1931 году кругом вырубили лес, но недалеко от бараков было много ягод земляники, а также грибов в том числе и груздей. Придешься работать, не надолго сходишь на вырубки, наберешь груздей и тут же в бараке их жарили. Валежника для костра хватало и все это нам так нравилось. После такой ссылки, которую мы испытали, нам новое жилье было раем. Таисия через четыре устроила в детский садик сына Павлика, а сама пошла работать уборщицей в парикмахерскую. Немного отработала и ее перевели работать кассиром, одновременно поступила учиться в школу парикмахеров. Когда окончила курсы, стала работать и проработала парикмахером больше десяти лет.

В 1932 году в феврале у нас родился сын Виталий, жил он меньше месяца и похоронили на Пышминском кладбище. На заводе было 5 бараков. В 1933 году переехали в барак №24 в отдельную комнату. Барак - это бывший кирпичный сарай длиной около 100 метров, в котором были разграждены комнаты. Во всех бараках было по 58 комнат, доски на перегородках были не строганные, но все заборки белились, в конце барака с другой стороны были сложены русские печи, но в комнатах печек было мало. В нашей комнате не было никакой печки, зимой было очень холодно, но я приспособил электролампу 1000 ват, которую завертывал в асбестовое полотно и она нас обогревала.

Но что самое страшное - это клопы. Это ужас, сколько их здесь было! Тот, кто жил до нас, не гнулся и прямо на стене их давил. Таисия раза 3-4 белила заборки, но они никак не забеливались. Ножки топчана ставили в железные банки, в которые наливали воду, да еще с керосином. Но спасения от этой твари не было, валились на нас с потолка. Вот в этой отдельной комнате 6 августа 1934 года у нас родилась дочь Лиза, а в первых числах сентября начальство решило во всех пяти бараках провести газовую дезинфекцию и всех выселили, а это почти 300 семей.

Получился цыганский табор. Первую ночь была не холодная, но у большой половины людей нечем был укрыться, в том числе и у нас, а на завтра пошел дождик, да еще со снегом, стало холодно. Я пошел к начальнику завода и объяснил ему обстановку, сказал, что в помещении, в котором хранились лопаты, освобожу и эту кладовку займет. Он дал на это согласие и мы переселились. Помещение было маленькое менее 4 кв.м, но не мочило и не дул ветер. Недалеко была печь, кольцевая, в ней круглый год обжигали кирпич. Сверху можно было хорошо варить картошку и суп, что мы и делали. Таисия обычно варила на печи картошку, иногда суп, сушила пеленки.

Ноней уже было много квартирников - беспризорников, иногда на ночевку собиралось человек 50-70. Все были оборванные, грязные, голодные и разутые, на ногах у некоторых были подвязаны какая - нибудь рваная обувь, подошвы или тряпки на ногах, но зато ночевали на теплых кирпичах, а днем опять шли на промысел. Вот так и жила молодежь.

Один парень особенно нам запомнился. Это был здоровый и рослый парень, весь черный, имел белые ровные зубы. Наши мастера Коптелов П. В и Сисков как - то подошли к парню и с агитировали его работать на конном дворе кирпичного завода. Парень дал согласие, они достали для него брюки, рубаху, нижнее белье, дали мыла и послали его в баню, что он сделал, а когда пришли из бани, он буквально преобразился. На голове были русые волнистые волосы, физически очень крепкого телосложения и никто не узнал, каким он был раньше. Когда он оформился коновозчиком, выдали фуфайку, ватные брюки, сапоги, рукавицы и даже шапку ушанку.

Работал очень добросовестно. Лошадь свою, как мне кажется, любил больше себя, она была всегда чистая, ночью он всегда приходил на конный двор, смотрел ее, есть ли у лошади корм, несмотря на то, что ночью лошадей кормили специальные конюхи. И вот этот парень влился в коллектив кирпичного завода. Вечерами ходил в клуб Ворошилова, девчата за ним гонялись табуном. Звали его Петей, правда фамилию его не запомнил. Но когда он проработал зиму, в одно прекрасное время после получки, он собрал все свое в подсобке и написал бумагу, чтобы его не искали, я дескать ушел и все. Так его больше и не видели.

После дезинфекции бараков некоторые стали селиться в свои комнаты, но жить было невозможно из-за сильной загазованности, вызывающей слезы. Я снова пошел к начальнику и он разрешил переселиться в общежитие кирпичного завода, где до этого была столовая. Пошли с начальником, он предложил, где лучше найти свое место. Я выбрал угол, дверь с востока, а окно с юга, этот уголок свободен. Он предложил, чтобы я сделал заборки и отгородился от общежития. Когда я сделал заборки, начальник послал мне печника, который сложил каменку с чугунной плитой, затопили, но в трубу дым не шел, а шел в комнату. Я трогать печь не стал, решил трубу перестроить на свой вкус, пришлось всю разломать. С печным делом никогда не был связан, но понял тогда, что дымоход надо прибавить еще полкирпича. Внутри трубы я все промыл и никаких шишечек не оставил. Затопил каменку, дрова хорошо загорели и дверка сразу же загремела. Комнату я отгородил маленькой в 11 кв.м. Я тогда подумал, когда вселюсь в эту комнату, то проживу в ней лет 12. Но комнатка получилась светлая, стены утеплил правда не сразу, к дверям пригородил кладовку и сени, позднее вырыл подполье и большую яму перед окном, отгородил участок земли около сотки и получился огород, где садили всевозможные овощи.

В те годы сажали много картошки, которая не вмещалась в яму. Недалеко от барака вырыл в поле яму глубиной около двух метров и без всякой подстилки и перекрытия засыпал в нее около тонны картофеля. Когда земля оттаивала, картошку

выкапывал и доставал наверх. Она сохранялась отлично, испорченной почти не было. Такое хранение понравилось и еще хранили таким способом года 4. Вокруг нас появилось много таких жехранищ. Не думал, что мы столько лет проживем в этом бараке, вода была в колонке в 100 метрах, туалет за 40, за бараком была большая выработка бывшего забоя, в котором образовалось озерко и в одно время там было много карасей, которых мы ловили небольшими неводами.

В 1933 году осенью после сезона перешел слесарем в мастерскую кирпичного завода. Механик завода был Борисов Василий Павлович, молодой, но очень хороший. Меня он принял душевно, проработал у него два месяца, установил 4 разряд, у нас было 10 человек, да еще кузница на два горна. Обслуживали безцементный комбинат, который был в подчинении у директора кирпичного завода

На комбинате стояли три паровых котла и впоследствии научился чеканить дымогорные трубы, работа довольно трудная и сложная и нужна была практика. В 1934 году наш механик Борисов уволился и на место его поступил новый механик, большой практик старичок Крушинский Александр Гаврилович, высокого роста, сутулый.

Родиной его был Сысертский завод, где родился и проработал многие годы, вот он и учил нас чеканить дымогарные трубы. Крушинский был мастером высокого класса, не знаю, что он не мог делать. В кузнице встанет к горну и как будто всегда работал кузнецом. А какой он был жестянщик, все работы выполнял отлично, прекрасно разбирался в электричестве, а как он любил ремонтировать двигатели внутреннего горения. И вот работал у такого прекрасного человека, который научил многому и ко мне относился с уважением. К 1937 году мне дали 6 разряд, в то время это был самый высокий разряд. В апреля 1937 года с кирпичного завода уволился, Крушинскому сильно не хотелось меня отпускать, но я решил работать на заводе, где и устроился в ремонтно-механическом цехе, но приняли только с пятым разрядом.

Автор всего этого пережитого Шабуров Иван Павлович

Уралмашзавод 1942 год

Была война, в это время работал на Уралмашзаводе в ремонтном цехе 42 бригадиром слесарей по ремонту мостовых железнодорожных кранов, прессов, молотов в кузнечно-прессовом цехе.

В первых числах января 1942 года бригаде дали задание о снятии в чугунно-литейном цехе в вечернее время 20-тонного мостового крана с длинной моста 25 метров, провести его ремонт и восстановить его к 8 часам утра следующего дня.

Задание было ответственное и срочное. Бригада состояла из 12 человек, работали у нас две лебедки с ручным приводом. Все работы по демонтажу и ремонту крана в ночное время мы успешно справились и утром приготовили его для подъема на место.

Утром кран подняли на высоту и уже развернули, чтобы поставить на рельсы, но 80-100 см. не дотягивал, завис и лебедки не стали крутиться. Пришел к выводу, что где-то заело, быстро поднялся наверх крана, просмотрел все блоки, но все было в порядке, спустился вниз и пошел проверять нижние блоки. В это время пришла вторая бригада слесарей из 12 рабочих, уже было 8 часов утра, пришло начальство цеха. Работников становилось больше, но кран не хотел подниматься, чувствовалось, что где было заедание в блоках и нужно хорошо проверить и простучать.

Но заместитель начальника цеха Кондаков заорал на нас и приказал, чтобы крутили лебедки. Вся орава слесарей начала давить на рукоятки лебедок, но оттяжной трос не выдержал и лопнул. Громада кранапокачнулась, тросы оборвались и кран рухнул на землю, превратившись в восьмерку металлома. Перебило все магистрали, в том числе электроэнергию, воду горячую и холодную. Тележка же кранаупала раньше. Когда же собрались в одну кучу и стали выяснять, все ли мы живы, из другого пролета приходит крановщик и говорит, что под тележкой рабочий. Я побежал тележке, услышал стоны. Вместе с рабочими приподняли тележку и помогли выползти молодому парню Фролову. Он чудом остался живым, было сломаны два ребра и разбита бровь.

По военным временам Кондакова могли бы расстрелять, но партия его отстояла. Кран фактически использовать было невозможно, он пошел на переплавку. Но власть нажимала на начальство и нужно было искать и устанавливать новый кран.

На площадке у цеха №80 лежал новый электрический кран, который был эвакуирован с запада, однако, он оказался на 500мм короче и его необходимо было удлинить. Такую работу поручили мне. С краном провозился больше суток, без еды, а мороз около 40 градусов и я сильно промерз, но работу удалось выполнить раньше срока. Когда пришел в цех, там уже загнали на ремонт железнодорожный кран. Мастер Рыбиков Николай Иванович сказал, что слесари разберут кран. Я же себя почувствовал

плохо, не мог разогнуться. Мастер послал меня в здравпункт. Температура была 39 градусов, но больничный не дали, сказали, чтобы завтра пришел к ним.

Придя домой, я окончательно свалился с ног от тяжелой болезни.

Пролежал больным в общей сложности шесть с половиной месяцев. Все это время был дома и врач приходила и лечила. Ноги мои согнулись и не распрямлялись, все суставы распухли и были сильные и страшные боли. Жили на кирпичном заводе, было в здании 11 комнат с одним коридором. Наша комната была удалена и выход имела свой и небольшие сени, в котором был дровяник, чулан и овощехранилище. В 1942 году у нас уже было трое детей, Таисия работала. Были такие времена, что когда она уходила на работу и возвращалась, я оставался в таком же положении. Боли были такие страшные, что было невозможно пошевелить даже пальцем.

На короткое время Таисия брала отпуск. Комната в бараке была маленькая в 11 кв. м. и была холодной. В том году сожгли 12 кубометров дров, которые она с трудом доставала на складе. Этобыли двухметровые сырье дрова, которые с большим трудом доставляла, пилила и колола, правда ей помогал Павлик, но это еще был ребенок. А каково было мне, на кровати, без движения и ничем не мог помочь, одни переживания и страдания.

А с каким трудом Таисия доставала воду. Водозаборная колонка находилась в 150-200 метрах, зимой часто замерзала. Приходилось ходить за ведром воды до кирпичного поселка, а это почти 500 метров от барака. Это требовало неимоверного труда и усилий от нее, в то время как я лежал я лежал больным. Как был ей благодарен, видел ее тяжелый труд, но помочь не мог ничем. Но слава богу, все трудности были пережиты.

На мое счастье к нам направили врачом эвакуированную из Москвы врачом уже старенькую Барщевскую, благодаря ее усилиям я поправился и все еще живу и своей жизнью обязан ей. Но ееиногда отзывали в райвоенкомат, а без нее у меня случались обострения, так было несколько раз. В последний раз вместо Барщевской меня стала лечить врач Рогожникова. Это была высокая, средних лет, сухощавая, ежедневно пьяная, неряшликая. Когда я уже ходил, хотя и плохо, пришел к ней на прием, спросила, как я себя чувствую. Я ничего не подумал плохого, сказал, что перенес болезнь и сейчас уже хожу. Она меня не стала осматривать, не послушала и выписала на работу.

Спорить не стал, пошел поставить печать и неожиданно, как говорят, послал бог, на счастье, заходит в поликлинику Барщевская. Она спросила уменя, как я себя чувствую. Сказал, что меня с больничного выписали, завтра на работу. Она берет больничный лист, попросила подождать, ушла в кабинет доктора Девятовой, затем позвала, попросила раздеться по пояс, хорошо прослушала, передала трубку Девятовой, затем вызвали заведующую Машевскую, которая также прослушала. Пришли к решению, что еще рано и выписывают новый больничный лист на 5 дней. Затем вызвали врача Рогожникову так сильно отчитали ее. Предупредили, чтоболезнь надо долечивать,

могла и в землю мужика закопать. После этого случая лечился только у Барщевской несколько раз. Но пришло время и ее поставили заведующей поликлиники, но долечивала меня, несмотря занятость.

Ходил на прием к ней и однажды назначили на комиссию ВТЭК, где решили дать мне инвалидность, но Барщевская встала на защиту, сказала, что лучше работать. Яуже знал, что инвалидам платят мало. Меня прослушали и сказали, что сейчас все хорошо, можно и о работе подумать, но направила на рентген,сказала, что ухо то мое старое, могу и ошибиться. Но когда будешь на рентгене, то пускай меня вызовут. В рентген-кабинете, я сказал, чтобы вызвали Барщевскую. После просмотра сказали, что все хорошо, ухо у нее не ошибается и меня выписывают на работу. Спросив об условиях работы предупредила, чтобы больше в другие цеха не ходил и работай только в своем цехе. Написала письмо начальнику цеха о предоставлении легкой работы в тепле без права перехода в другие цеха. На следующий день перешел в инструментальную цеха, где проработал до ухода на пенсию. Правда зарплата была небольшая, но я продолжал работать на этой работе, считал, что тут сохранию свое здоровье, которое я ценил дороже этих денег и меня в цехе все уважали.

Делать в цехе приходилось довольно сложные работы, делал модульные резцы для резки червячных колес, которых в цехе было более 500 наименований (размеров).

Эту работу поднял на должную высоту, мог делать любые модульные резцы, за что ценили в цехе.

Пришлось изготавливать разные стеллажи и было приятно, когда мастер или посетители из других цехов и с другого завода говорили, что это сделано слесарем Шабуровым И.П. Уже будучи на пенсии, когда приходжу в цех, хотя это очень редко, приятно смотреть на свои труды.

В 1985 года я стал пенсионером с отрывом от производства. Первое время меня часто вызывали в цех, просили кое-что сделать, оставляли у меня на руках заводской пропуск, старался сдать его, не пройдет несколько дней и снова вызывали в цех. Но работу в цехе все таки пришлось закончить, уже не тот возраст.

Автор всего этого пережитого Шабуров Иван Павлович